

На правах рукописи

Селиванова Александра Николаевна

ТВОРЧЕСКИЕ ПОИСКИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ
СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ 1930-Х ГОДОВ.

18.00.01 - Теория и история архитектуры,
реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата архитектуры

– 3 ДЕК 2009

Москва – 2009

Работа выполнена в Научно-исследовательском институте теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук (НИИТАГ РААСН)

Научный руководитель: кандидат архитектуры
Ю.П. Волчок

Официальные оппоненты: доктор архитектуры
М.С. Штиглиц

кандидат искусствоведения
И.В. Чепкунова

Ведущая организация: Московская государственная
художественно-промышленная
академия им. С.Г. Строганова

Защита состоится «21» декабря 2009 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 007.002.01 при Научно-исследовательском институте теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук по адресу: 105264, Москва, ул. 7-я Парковая, д. 21а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
НИИТАГ РААСН.

Автореферат разослан «20» ноября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат архитектуры

Н.В. Касьянов

Общая характеристика работы.

Актуальность исследования.

Одна из центральных социокультурных и философских проблем архитектуроведения в XX веке, не теряющая своей остроты и по сей день – это взаимоотношения современности и культурного наследия, конфликт между историческими универсалиями, памятью и убыстряющимся ходом времени, новыми технологиями; между информационным уничтожением пространственных и культурных границ и постоянными поисками национальной идентичности. Возможно, впервые эти вопросы были подняты мировой культурой в тридцатые годы XX века, в тот момент, когда, вследствие различных социальных и исторических причин, после первого подъема модернизма в 1910 – 1920-е годы наступило охлаждение к его абсолютному новаторству, техницизму и утопической устремленности в будущее. Пришла ностальгия по художественной традиции, тяга к человеческому и эмоциональному искусству, укорененному в городской или природной среде; на смену демиургическому пафосу, культу нового пришло восхищение и любование мировой культурой, а «сегодня» и «вчера» перестали противопоставляться между собой.

Проблему отношений инноваций элитарной культуры авангарда двадцатых годов и исторического наследия, традиции, доступной для массового восприятия, пыталась решить в эти годы и советская культура. В архитектуре все эти воспринимающиеся болезненно вопросы так или иначе были затронуты в теоретических дискуссиях 1930-х годов и в практике постконструктивизма. Решаемая в тот момент задача «спроектировать» новый архитектурный стиль, а также применяемые для этого архитекторами методы (например, поиск архетипических моделей в архитектурном языке прошлого), по мнению крупнейшего исследователя отечественной архитектуры 1920 – 30-х годов С. О. Хан-Магомедова, сейчас вполне может восприниматься как один из ранних примеров постмодернистского мышления.

Сегодня по-прежнему остро для отечественной культуры стоит и вопрос взаимоотношений между властью и искусством, достигший одной из своих критических точек как раз в эпоху тридцатых. Тщательный анализ архивных документов, связанных с организацией и управлением проектной деятельностью советских архитекторов в 1920 – 1930-е годы, раскрывает всю механику внедрения идеологических и административных инструментов в художественный процесс.

В новом тысячелетии, когда исторической и культурной ревизии подвергается все наследие XX века, когда концепции модернизма и постмодернизма переосмысляются заново, в мире с уже изменившимися политическими и культурными границами, теоретические поиски отечественной архитектуры середины 1930-х годов наконец могут быть рассмотрены непредвзято и свободно. Такие характерные для идейного и проектного наследия этой поры качества, как гибкость, граничность, амбивалентность, представляются сейчас крайне важными в контексте актуальных проблем и вопросов современной философии, культурологии, искусствознания и архитектуроведения. Трудно переоценить опыт тридцатых и для современной российской архитектуры. Во многих отечественных проектах последних 10 лет можно заметить характерные черты постконструктивизма: вновь стали востребованы его инструментарий в работе с историческим наследием и городской средой, «очищенность» и структурность, наследующие принципам авангарда, умение найти гармоничный синтез между массовым и рафинированным, интеллектуальным, его осмысление тектоники и элементов классической и неклассической архитектуры прошлого.

Объект исследования – советская архитектурная теория середины 1930-х годов (на основе публикаций и архивных материалов), а также произведения архитектуры постконструктивизма.

Предметом исследования являются политические, социальные, психологические, культурологические аспекты «создания» нового советского архитектурного стиля в тридцатые годы; предпосылки возникновения и особенности развития идей, его сформировавших.

Источники исследования. Основной источник реконструкции фрагментов так и не успевшей оформиться теории постконструктивизма – критические и «программные» статьи первой половины 1930-х годов и стенограммы дискуссий, проводимых параллельно с практическим развертыванием нового стиля.

Именно на страницах профессиональной прессы: «Архитектура СССР», «Советская архитектура», «Строительство Москвы», «Архитектура за рубежом», «Архитектурная газета», в том числе в выступлениях политических деятелей (А.В. Луначарского, Л.М. Кагановича, А.Я. Александрова), архитекторов (К.С. Алабяна, А.К. Бурова, братьев Весниных, М.Я. Гинзбурга, И.А. Голосова, Я.А. Корнфельда, А.Г. Мординова, Н.А. Троцкого, И.А. Фомина, Р.Я. Хигера), искусствоведов и теоретиков архитектуры (Д.Е. Аркина, Н.И. Брунова, И.И. Иоффе, И.Л. Мацы, А.И. Михайлова, А.И. Некрасова, М.А. Охитовича), на разных уровнях формулировались цели и постулаты

новой архитектуры, отвергались и критиковались отдельные архитектурные опыты 1920-30-х годов, и, по сути, происходил «отбор» характеристик и допустимых приемов стиля «второй пятилетки». Самостоятельным материалом для анализа является сама лексика публикаций, демонстрирующая смену языка архитектурных дискуссий, уход от «строительной терминологии» в сферу эмоциональных категорий.

В работе привлекаются источники, отражающие и диалог отечественных и зарубежных архитектурных процессов тридцатых годов, как «внутренние» (журнал «Архитектура за рубежом», а также соответствующие рубрики и статьи в «Архитектурной газете», «Архитектуре СССР» и прочей профессиональной прессе, статьи Л.И. Ремпелья, Д.Е. Аркина, А.К. Бурова), так и «внешние» (опубликованные за рубежом). Обращение к западным теоретическим текстам, отразившим возникновение и развитие ар деко и стилистики «монументального ордера», позволило проводить параллели и находить пересечения с советской теоретической мыслью середины тридцатых годов.

Состояние изученности вопроса. К довоенному наследию советской архитектуры периода авангарда (1917 – 1932), отечественное архитектуроведение обращалось неоднократно, начиная с конца 1950-х годов (монографии и статьи М.И. Астафьевой-Другач, Ю.П. Волчка, А.В. Иконникова, И.А. Казуся, Б.М. Кирикова, И.В. Коккинаки, М.В. Нащокиной, А.В. Рябушина, А.А. Стригалева, В.Э. Хазановой, В.Л. Хайта, С.О. Хан-Магомедова, И.В. Чепкуновой.). Среди зарубежных исследователей отечественной архитектуры двадцатых годов в первую очередь следует назвать К. Грей, В. Квиллини, А. Коппа, Ж.-Л. Козна, К. Кук, Б. Рубл, В. де Фео.

Долгое время архитектура 1932-1937 годов определялась как краткий этап перехода от авангарда к сталинской неоклассике, часть единого периода в развитии советской архитектуры, ограниченного переломными 1932 и 1955 годами. С.О. Хан-Магомедов впервые выделил этот «переходный» этап, дав ему определение «постконструктивизм», и назвав двух наиболее ярких представителей – И.А. Фомина и И.А. Голосова. В исследованиях середины 1990-х – начала 2000-х годов архитектуре «второй пятилетки» уделяется особое внимание, ее наследие предстает уже как некая стилистическая целостность, вычленимая из временного отрезка 1932 – 1954. В.Э. Хазанова дает ей определение «стиль 1935 года», тем самым отмечая кульминационный момент становления стилистики. В выступлениях и публикациях Г.Н. Яковлевой самобытность формообразования постконструктивизма анализируется на основе многочисленных нереализованных проектов эпохи. Мотивы стиля, средства выразительно-

сти, образность исследуются автором в диалоге с формообразованием предшествующей эпохи. В отдельных исследованиях – И.А. Азизян, А.В. Иконникова, Т.Г. Малининой, Г.И. Ревзина, В.Л. Хайта – стиль рассматривается в мировом контексте и трактуется как отечественный аналог ар деко.

На Западе внимание к «советской неоклассике» возникает на волне интереса, с одной стороны, к наследию ар деко, с другой – к искусству тоталитарных стран (в контексте общественно-политических событий 1980-начала 1990-х годов). Наибольшее значение для нашего исследования представляет труд Ф. Борси, поместившего советское архитектурное наследие тридцатых годов в рамки авторской концепции стилистической системы «монументального ордера», распространившейся в Европе и США в 1929 – 1939 годах. Образные и концептуальные основы универсального «монументального ордера», в трактовке Борси, наряду с уже изученной идеологией ар деко, помогают расшифровать истоки отдельных архитектурных явлений тридцатых годов в СССР. Вопросу взаимосвязи авангарда и классики уделяли особое внимание С.О. Хан-Магомедов, А.В. Иконников, В. С. Горюнов, В.Г. Басс.

Ряд исследователей, в первую очередь, В.З. Паперный, Б.Е. Гройс, Х. Хадсон, Д.С. Хмельницкий и М.Г. Меерович рассматривают архитектуру тридцатых в контексте культурных и социально-политических процессов в стране, как период активного внедрения партийной номенклатуры в профессиональную сферу деятельности. Этот аспект анализа позволил комплексно выявить многие политические, психологические, социальные причины отторжения авангарда и становления сталинской неоклассики. Тем не менее, несмотря на глубину проведенного анализа культуры сталинской эпохи, специфика архитектуры второй пятилетки в этих исследованиях так же не была обозначена.

В итоге, до сих пор наследие постконструктивизма не получило должного рассмотрения как целостное явление в истории отечественной архитектуры. По-прежнему не выявлена его специфика, истоки, его сформировавшие, в полной мере не определен круг архитекторов, работавших в рамках стиля в отличие от наследия авангарда и сталинской неоклассики, отсутствуют критерии для определения и систематизации многочисленных памятников постконструктивизма, разбросанных по всей территории страны.

Научная новизна работы определяется в первую очередь своим подходом к заявленной теме. Советское архитектурное наследие середины тридцатых годов рассматривается как полноценное, оформившееся, как определенная методическая, ин-

теллектуальная, знаковая система, вобравшая в себя в равной степени идеологические, психологические лейтмотивы эпохи, проектный инструментарий авангарда, основы и принципы архитектурной традиции, теоретические построения ведущих архитекторов «старой школы». В фокусе исследования – именно идейная, теоретическая, семиотическая основа формировавшегося в первой половине тридцатых годов архитектурного стиля.

Таким образом, общая картина довоенных архитектурных процессов расширена за счет анализа теоретического наследия 1932 – 1937 годов, – дошедшего до нас в архивных материалах и публикациях, традиционно причисляемых к идеологизированной словесной «эквилибристике» и выносимых за рамки архитектуроведческого исследования. Некоторые источники (к примеру, сохранившийся в архиве доклад М.А. Охитовича «Национальная форма социалистической архитектуры», ранние статьи А.Г. Габричевского «К вопросу о формальном методе», «Одежда и здание» и ряд других) впервые были рассмотрены как теоретический материал, оказавший значительное влияние на формирование идейно-образной основы постконструктивизма.

Междисциплинарный подход, выраженный в активном привлечении в исследовании историко-политических материалов, раскрывающих динамику и механику диалога «архитектура – власть» как деятельного, а во многом, и определяющего элемента архитектурных процессов первой половины 1930-х годов, позволил по-новому взглянуть на мотивацию и особенности формирования постконструктивизма, а затем и «сталинской неоклассики». Стенограммы партсовещаний и дискуссии на страницах «Архитектурной газеты» в новом ракурсе открыли подлинную расстановку сил в архитектурном сообществе тридцатых годов, обнажив поколенческий и идеологический конфликт между «партийными» (в основном, выпускниками МВТУ и ВХУТЕИНА, бывшими членами ВОГПА) и «непартийными» архитекторами (лидерами авангарда и мастерами «старой школы»), отличный от традиционного для истории архитектуры противопоставления «авангардистов» и «традиционалистов».

Целью исследования является выявление и анализ целостной картины теоретических концепций, оказавших воздействие на формирование архитектуры постконструктивизма, осмысление логики и методов работы архитекторов, в чьих проектах тридцатых годов наиболее ярко отразились поиски нового архитектурного стиля.

Рабочая гипотеза. Особое внимание в исследовании уделяется рассмотрению предложенной гипотезы о влиянии аналитического метода проектирования, сформированного в рамках авангарда, на развитие архитектурной мысли в тридцатые годы.

Становление постконструктивизма рассматривается как новый этап аналитического («формального») метода, а его раннее увядание связывается с утверждением на архитектурном Съезде 1937 года метода «социалистического реализма».

Задачи, определившие направление диссертационного исследования:

1. Рассмотрение политических и организационных факторов, повлиявших на резкие изменения в архитектурных процессах на рубеже 1920 – 1930-х годов на эмоциональном и концептуальном уровнях архитектурного творчества. Изучение развития диалога между властью и архитектурой, трансформаций в отношениях между «заказчиком» и «исполнителем», воздействовавших на архитектурную теорию и практику тридцатых годов.
2. Определение характера взаимодействия архитектурной теории и практики середины тридцатых годов с концепциями авангарда, выявление роли архитектурной пропаганды двадцатых годов в процессе формирования и распространения стиля.
3. Нахождение и систематизация важнейших художественных концепций, лежащих в основе теории и формообразования постконструктивизма, определение динамики их развития и изменений в интерпретации архитекторов, теоретиков, политических деятелей в те годы. Рассмотрение их в контексте общемировых архитектурных процессов 1930-х годов.

Хронологические рамки исследования. Период распространения постконструктивизма связан с политико-организационными событиями в истории советской архитектуры: правительственными постановлениями и резолюциями по архитектурным вопросам 1932 – 1933 годов с одной стороны и Первым всесоюзным съездом архитекторов 1937 года – с другой. Однако задачи исследования требуют включить в хронологические рамки работы и период 1920-х годов, когда были сформированы политические, методические и идейные предпосылки сложения стиля, и архитектурные процессы конца 1930-х годов, когда идеи, легшие в основу постконструктивизма, продолжали оказывать влияние на отечественную строительную практику.

Метод исследования имеет комплексный характер, основывается на сочетании востребованных в архитектуроведении аналитического, источниковедческого, формально-стилистического, культурологического, семантического анализов. Междисциплинарный подход, выраженный в изучении проектов и сооружений одновременно с теоретическими публикациями, архивно-документальными материалами, а также с анализом эстетических концепций 1920- 1930-х годов в СССР и за рубежом

создает целостную картину теоретического и проектного наследия постконструктивизма.

Практическое значение работы. Помимо восполнения пробелов, существующих в поле изучения отечественной архитектуры 30-х годов, вводимые в научный обиход материалы и результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории отечественной и зарубежной архитектуры Новейшего времени. Практическая ценность исследования касается и сохранности наследия постконструктивизма: используемые принципы анализа и описания памятников тридцатых годов могут быть полезны при идентификации, характеристики сооружений и для выявления их художественной и исторической ценности. Перспективным представляется также и поиск параллелей между отечественными и западными направлениями архитектурной мысли в тридцатые годы, что может способствовать снятию штампа сугубо «идеологической теории» с ряда текстов и открыть их для нового прочтения.

Исследование прошло **апробацию** на научных конференциях «Heritage at risk» (Москва, 2006), «Сталинский ампи́р» (Москва, 2007), «Личность, эпоха, стиль» (Москва, 2008), IX международной конференции по истории градостроительства «Comparative History of European Cities» (Лион, 2008). Отдельные аспекты исследования нашли свое отражение в публикациях автора.

На защиту выносятся:

- Анализ организационных и политических событий 1920-30-х годов, изменивших архитектурную ситуацию в СССР. Идеологические и социокультурные предпосылки сложения архитектурной теории 1930-х годов.
- Определение и представление аналитического («формального») метода архитектурного проектирования как ведущего с середины 1920-х по вторую половину 1930-х годов.
- Систематизация и анализ ключевых семантических, образных и идейных концепций, сформировавших теоретическую базу постконструктивизма как ведущего направления в поисках новой творческой направленности 1930-х гг. Проявление этих идей и образов в формообразовании и стилеобразовании архитектуры «второй пятилетки».

Структура работы определена сформулированными в ней целью и задачами и состоит из введения, трех глав, снабженных аппаратом ссылок, заключения и библиографии.

лиографии. В приложении собраны таблицы и фотоматериалы, иллюстрирующие основные положения работы.

Во «Введении» определяется предмет исследования, его цель и задачи, ставятся основные вопросы и выдвигаются гипотезы, вокруг которых строится система доказательств. Намечаются основные направления анализа и подчеркивается специфика, связанная как с самим характером изучаемого предмета (в частности, терминологические проблемы), так и с привлекаемым материалом, порой относящимся к разным научным дисциплинам.

В первой главе исследования «Политический и социальный контексты изменений в творческой направленности советской архитектуры первой половины 1930-х годов» прослеживается хронологическая, организационная канва трансформаций в структуре и характере архитектурных процессов в СССР на материале правительственных решений, постановлений, организационных преобразований в области культуры рубежа 1920 – 1930-х годов. Рассматривается и мировой контекст - значимые социально-политические события этой эпохи, повлекшие за собой изменение художественных концепций (в том числе в архитектуре и архитектурной теории) в странах Европы и США.

Вторая глава «Творческий метод и работа с наследием: общее и особенное в эстетическом становлении архитектуры постконструктивизма, «монументального ордера» и ар деко» посвящена кристаллизации теоретических основ архитектуры постконструктивизма на основе аналитического метода в сопоставлении с архитектурными процессами за рубежом. Рассматривается востребованная мировой культурой тридцатых годов программа «освоения наследия» и ее специфическое преломление в отечественном архитектуроведении.

В третьей главе - «Осмысление ключевых для постконструктивизма понятий «монументальность» и «человечность» в теоретических работах 1930-х годов» представлен весь спектр толкований, интерпретаций важнейших концепций эпохи, от массовых и популистских идей «массивности», «устойчивости», «доступности» и «красоты» до глубокого осмысления тектоники, масштабности, «антропоморфности» архитектурного организма мастерами авангарда и архитекторами «старой школы».

Содержание работы.

За очень краткий промежуток времени – 5-6 лет, начиная с 1932 года – по всей стране, от Минска до Хабаровска, от Баку до Мурманска было сооружено (и пере-

строено) множество административных зданий, театров, кинотеатров, школ, больницы, домов «повышенной комфортности», клубов, стадионов, фабрик, универмагов, бань, решенных в едином пластическом ключе, на основе общей «азбуки» деталей и элементов, не похожей ни на архитектуру предшествующего периода, ни на утвердившуюся позже стилистику сталинской неоклассики. Единство приемов, от принципов организации пространства до деталей и материалов отделки, связывающее объекты, спроектированные или построенные в этот период, позволяет говорить об архитектуре первой половины и середины 1930-х годов как о сложившейся стилистической системе. Стиль этот до сих пор не получил в отечественном архитектуроведении единого названия (варианты: «постконструктивизм» (термин введен С.О.Хан-Магомедовым, использовался А.В. Иконниковым и Г.Н.Яковлевой), «стиль 1935 года» (предложен В.Э. Хазановой), «советское ар деко» (применялся В.Л. Хайтом, Т.Г. Малининой, М.В. Нащокиной, И.А. Казусем). В дальнейшем, в качестве рабочего названия монументального стиля, оформившегося в СССР в ходе «второй пятилетки», мы будем использовать именно термин постконструктивизм, как наиболее, с нашей точки зрения, точно отражающий методологическую и концептуальную специфику данного архитектурного направления.

Первый вопрос - каким образом постконструктивизм мог распространиться столь стремительно и повсеместно, при отсутствии ясно сформулированной концепции и «узаконенных», одобряемых образцов (кроме проекта Дворца Советов Б.М. Иофана, В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейха, здания театра Красной Армии К.С. Алабяна и В.Н. Симбирцева, а также оформления павильонов и станций метро А.Н. Душкина, Н.Д. Колли, Л.С. Теплицкого, И.А. Фомина, Д.Н. Чечулина и других). Этот единовременный стилистический «взрыв» на всей огромной территории СССР поражает воображение. Распространение постконструктивистских проектов, как моды, опережало теоретическое обоснование стиля, во многом архитекторов вели пластические и идейно-образные лейтмотивы эпохи. Несмотря на выраженность этого явления, ни в одном выступлении, ни в одной статье тридцатых годов мы не встретим не только комплексного обоснования постконструктивизма, но и вообще констатации того, что в 1933-1936 годах архитектура в СССР имела некие стилистически общие черты. Тем не менее, концепции, сформировавшие и оказавшие влияние на практику постконструктивизма, можно извлечь из множества зачастую чрезмерно политизированных теоретических документов эпохи, рассматривая их различные семантические уровни, отсеивая идеологизированную форму и вынимая смысловое «ядро». Такой анализ, прове-

денный в настоящем исследовании, и позволил «кристаллизовать» теоретические основы стиля середины 1930-х.

Этот своеобразный пластический язык постконструктивизма объединил на короткий период архитекторов авангарда (братьев Весниных, М.Я. Гинзбурга, братьев Голосовых, К.С. Мельникова, И.И. Леонидова, Н.Д. Колли, И.Н. Николаева, Н.А. Троцкого, Г.Б. Бархина, И.Ф. Милиниса, М.О. Барща, А.К. Бурова, Я.А. Корнфельда, А.З. Гринберга), мастеров «старой школы» (В.А. Шуко, В.Г. Гельфрейха, Б.М. Иофана, Л.В. Руднева, И.А. Фомина, П.Ф. Алешина, А.Я. Лангмана, Д.Ф. Фридмана, В.Д. Кокорина, И.Г. Лангбарда, Г.К. Олтаржевского) и молодых архитекторов, студентов и недавних выпускников архитектурных факультетов (В.П. Калмыкова, И.И. Фомина, Е.А. Левинсона, З.М. Розенфельда, И.Е. Рожина, Г.И. Луцкого, А.М. Зальцмана, Б.А. Смирнова, Д.Д. Булгакова, А.Н. Душкина, М.И. Мержанова, И.Ю. Каракиса и др.). При анализе социально-политической ситуации в архитектурной среде, теоретических документов эпохи, а также памятников тридцатых годов, можно обнаружить источники и факторы (организационные, психологические, идеологические, семантические, культурологические), способствовавшие появлению и распространению постконструктивизма.

Самой очевидной, внешней причиной отказа от эстетической и идейной программы авангарда и появления установки на создание нового пролетарского стиля является, в первую очередь, внедрение политико-идеологических рычагов управления в область архитектуры. Оставаясь в рамках традиционного искусствоведения, игнорируя этот «исхудожественный», и во многом нелицеприятный архивный материал, практически невозможно «расшифровать» теоретические тексты архитекторов, верно истолковать их личностный и профессиональный выбор, оценить архитектурные события, новую организацию проектной деятельности. Проследивая хронологию этой политической «экспансии», мы видим кристаллизацию ключевых идей эпохи, тот правительственный и общественный «заказ», ответ на который формировался в виде архитектурной теории 1930-х годов и практики постконструктивизма. Распутать этот клубок можно, только распустив всю сеть, выделив каждую нить по-отдельности, проследивая начало и ответвления каждой из них. Направляющими для нас здесь являются идеи партийной «стабилизации» и «реорганизации» архитектурной среды рубежа 1920 – 1930-х годов.

Линия, намеченная В.И. Лениным и А.В. Луначарским в борьбе с А.А. Богдановым и его «организационной наукой», с чересчур независимыми Пролеткультами в

самом начале 1920-х, развивалась сперва в направлении теории искусств, философии, социологии и, проявившись наиболее ярко в гонениях на ЛЕФ и уничтожении ГАХНа, прошла по художественной практике, вылившись в контроль за деятельностью независимых творческих объединений, и превратилась, в конце концов, в тотальную борьбу с «формалистами» на всех флангах искусств, параллельно с разоблачением идей «троцкизма». Разгромная критика «оппортунистических» градостроительных концепций авангарда – урбанизма и дезурбанизма, ликвидация независимых творческих объединений архитекторов, проведение конкурса на Дворец Советов, травля конструктивистов, закончившаяся террором 1936-1937 годов (вслед за статьями о «какофонии» в «Правде») – все это «узелки» единой нити - истории борьбы между партийной идеологией и искусством за роль «организатора новой жизни». Полное отторжение эстетической программы авангарда стало следствием этого конфликта. Отныне искусство должно было стать управляемым и доступным во всех отношениях, а на смену художнику-организатору призван был организатор-художник, то есть партийная номенклатура.

Необходимо было передать профессиональные функции архитектора напрямую «заказчику», заменив прежних, независимо мыслящих *авторов* на способных *исполнителей* концепций новых творцов. Для этого требовалось «вырастить» новое, идеологически проверенное поколение партийных творческих деятелей, способное вытеснить в равной степени мастеров авангарда и «старой школы». Отправной точкой в двадцатые годы стала настороженная позиция Луначарского по отношению к «левым» деятелям искусств. Во многом благодаря его усилиям поддержку власти нашло «марксистско-ленинское искусствознание», внедренное в область архитектуры искусствоведам И.Л. Мацей на базе института ЛИЯ (институт Литературы, искусства и языка) при Комкадемии, а также «пролетарские архитекторы», амбициозные партийные студенты МВТУ и ВХУТЕМАСа, объединившиеся в ВОПРА. Таким образом готовился удар по двум флангам «формалистов»: по теоретикам (ЛЕФ, ГАХН) и практикам (из архитектурных объединений: ОСА, АСНОВА, затем АРУ). Объединив усилия, «большевистский теоретический кулак» в лице искусствоведов И.Л. Мацы и А.И. Михайлова и «пролетарских архитекторов» - К.С. Алабяна, А.Г. Мордвинова, М.В. Крюкова и их товарищей из ВОПРА, при поощрении А.В. Луначарского, а затем Л.М. Кагановича, за несколько лет полностью изменил ситуацию в советской архитектурной среде. На смену собственно профессиональным критериям в оценке и анализе архитектурных проектов в дискуссиях, на конкурсах и в практической деятельности пришли катего-

рии политические, идеологические, стала поощряться нарративность архитектурного образа. Изменился сам архитектурный язык, что, в дальнейшем, наложило серьезный отпечаток на качество проектной деятельности в тридцатые годы. Противостояние творческих позиций эпохи авангарда сменилось политическим противостоянием двух лагерей: архитекторов-профессионалов и архитекторов-«партийцев». Несмотря на то, что победа последних была закреплена организационно – они заняли все ключевые посты в архитектурной среде (руководство Союзом, Академией архитектуры, профессиональной прессой, контроль в архитектурных мастерских и ВУЗах), классовая «борьба за чистоту рядов», по определению К.С. Алабяна, в архитектурном сообществе продолжалась до конца 1930-х годов. К этому времени мастера старой школы были «присвоены» (по расхожему выражению партгруппы ССА) и «использованы» в кампании против «формализма» (в частности, А.В. Щусев, Г.М. Людвиг), «лагерь» конструктивистов расколот и частично «перевоспитан» (в частности, Н.Д. Колли, в обмен на «отречение» от своего конструктивистского прошлого, сотрудничество на страницах профессиональной прессы и на трибуне Съезда архитекторов, получил пост председателя правления МОСА (Московского отделения ССА) и был избавлен от жесткой критики в тяжелый период 1936 – 1938 годов, М.Я. Гинзбурга вынудили представить на Съезде подготовленный партгруппой доклад, там же А.А. Веснин публично признал ведущим метод «социалистического реализма»), а не поддавшиеся – уничтожены (С.А. Лисагор, М.А. Охитович) или «нейтрализованы» (И.И. Леонидов, К.С. Мельников, М.О. Барц).

Постконструктивизм формировался в ходе этой напряженной борьбы и острых дискуссий. Он прорастал сквозь еще не затвердевшую новую политизированную архитектурную систему, находя «прорывы» в этой пока что неустойчивой конструкции, проявляясь там, где у архитекторов авангарда и мастеров «старой школы» оставалась возможность для свободной, не подконтрольной партийному руководству ССА работы. Такими «очагами» постконструктивизма стали некоторые мастерские Моссовета (возглавляемые К.С. Мельниковым, И.А. Фоминым, И.А. Голосовым, Д.Ф. Фридманом, Н.Д. Колли, В.А. Щуко, Г.Б. Бархиным, И.Н. Николаевым, отчасти – А.В. Щусевым), группы МАИ (Московского архитектурного института), где преподавали многие из вышеназванных архитекторов, и, в особенности, недостижимые для партийного руководства ССА мастерские отдельных Наркоматов и ведомств. Своего рода проектными центрами стиля стали архитектурные мастерские Наркомтяжпрома (отд. Главстройпрома), где работали братья Веснины, М.Я. Гинзбург и П.А. Голосов, архитектур-

ная мастерская Военпроекта при Наркомате обороны, возглавляемая Л.В. Рудневым и некоторые другие. Именно в контексте этой относительной архитектурной свободы «спецзаказов» были созданы такие яркие проекты постконструктивизма, как Военная академия им. М.В. Фрунзе (1932-1937) и здание Наркомвосморя (1934-1938) Л.В. Руднева и В.О. Мунца, жилой дом Военно-инженерной академии (1934-1936) И.А. Голосова в Москве, Дом Легкой промышленности (1932-1933) и жилой дом Ленсовета (1931-1935) Е.А. Левинсона и И.И. Фомина, а также Дом культуры промкооперации (имени Ленсовета) (1931-1938) Е.А. Левинсона и В.О. Мунца в Ленинграде, санаторий Наркомтяжпрома (им. С.Орджоникидзе) (1938) М.Я. Гинзбурга в Кисловодске, «сто-квартирный дом» для членов исполкома Западно-Сибирского края (1934-1937) А.Д. Крячкова в Новосибирске (проект был удостоен Гран-при на Международной выставке в Париже в 1937 году), жилые комплексы КВО (1934-1936 и 1935-1937 годов) И.Ю. Каракиса в Киеве, жилой дом Автозавода (1936) И.А. Голосова в Горьком и другие.

Теперь, как и на капиталистическом Западе, архитектору необходимо было вновь (после 15-ти лет относительной творческой независимости) искать общий язык с заказчиком, начавшим с начала 1930-х годов формулировать эстетические требования. Нужно было выстроить диалог между профессионализмом исполнителя и дилетантизмом заказчика, между внутренними художественными задачами и внешними идеологическими установками. Постконструктивизм, подобно ар деко и «монументальному ордеру» на Западе, снимал противоречия и находил гармоничный синтез – новаторства и традиции, абстрактного и конкретного, модернизма и классики, элитарного и массового, пафоса и лиризма, вкусов заказчика и профессионального мастерства. Стиль сумел стать ответом на возникшие к 1932 году новые требования монументальной, доступной, укорененной в традиции, эмоциональной архитектуры.

Ключевым инструментом работы архитекторов в период постконструктивизма оставался аналитический метод, распространившийся в отечественной художественной теории и практике двадцатых годов, ставший основой формообразования и теории авангарда во всех его, на первый взгляд противостоящих друг другу течениях, и, более того, использовавшийся и мастерами «старой школы», в частности, И.А. Фоминым. Специфика этого универсального метода была рассмотрена еще в начале 1920-х годов А.Г. Габричевским, отмечавшим, что «формальный метод» стремится к «аналитическому разложению вещи на ее элементы», формы, конструкции, качества, подобно естественно-научному исследованию, он выявляет «основной структурный момент всякого художественного предмета». Именно эта интеллектуальная проектная система

позволила многим мастерам авангарда — братьям Весниным, М.Я. Гинзбургу, И.А. Голосову, Н.А. Троцкому безболезненно и даже с энтузиазмом воспринять декларируемое властью обращение к классическому наследию. В их представлении в 1920-е годы архитектура проходила этап «вскрытия» процессов и законов формообразования, обнажение структуры и функции здания. Своей очередной задачей на новом этапе они считали превращение «скелетов» в «полноценную архитектуру», при помощи наращивания «материи». «Кожа» создавалась на базе принципов исторической архитектуры; тем самым по теории Гинзбурга и Весниных абстрактное целое должно было обрести элементы «конкретного» и стать ближе к восприятию зрителя. Итак, классическое и неклассическое наследие при помощи тех же аналитических инструментов, что применялись когда-то во ВХУТЕМАСе при работе с геометрическими формами, было разобрано на простейшие составляющие (арка, колонна, карниз и т.п.), на основные тектонические, пропорциональные, ритмические закономерности, и осмыслено заново. Именно эта азбука и формировала постконструктивистскую «оболочку» проектов. Ярким примером такого метода может служить жилой дом Наркомтяжпрома на Садовом кольце в Москве Д.Д. Булгакова (1931-1935).

Конструктивизм рассматривался в первую очередь не как набор стилевых приемов, но как методологическая основа, база многих более поздних архитектурных явлений, не вписывающихся в достаточно узкие рамки стиля. Архитектурные опыты тридцатых воспринимались в эти годы мастерами авангарда как новый этап развития конструктивистского или «формального» метода проектирования, этап, на котором наконец «отсеялись» эпигоны стиля, о чем они бесстрашно неоднократно говорили в своих выступлениях тридцатых годов. А.А. Веснин, В.А. Веснин, М.Я. Гинзбург, Я.А. Корнфельд, М.О. Барщ, С.А. Лисагор, Н.А. Троцкий верили в то, что конструктивизм после 1932 года вошел в свою высшую, законченную («полноценную») фазу, перестав быть модой, и оставшись тем, чем должен был быть изначально — проектным методом. Вплоть до Съезда архитекторов в 1937 году они продолжали называть себя конструктивистами. Об этом говорил и Я.А. Корнфельд, утверждая на обсуждении архитектурной выставки на улице Горького в 1934 году, что конструктивизм был присущ всем лучшим архитектурным эпохам и что он сам продолжает себя причислять к этой системе, и А.А. Веснин, в 1936 году вопреки всем обстоятельствам предвещаая конструктивизму постоянное развитие и движение вперед. Аналитическим методом владели все архитекторы, получившие образование в Москве и Ленинграде в двадцатые годы и прошедшие курс пропедевтики, в итоге именно эта концептуальная система и стала

проводником для единовременного и быстрого распространения стилистических приемов постконструктивизма по всей стране.

Аналитический («формальный») метод помогал сперва вычлениить, а затем встроить элементы и композиционные приемы архитектуры прошлого в практику тридцатых, создавая органичный синтез авангарда и наследия в проектах постконструктивизма. Во многом благодаря этому инструменту 1933 – 1936 годах архитекторы и теоретики архитектуры пытались перевести на язык профессии «наказы» власти, высказанные в виде либо вне-архитектурных абстракций, либо обывательских характеристик («радостная», «бодрая», «красивая», «правдивая», «человечная», «целеустремленная»), включив их в контекст своих собственных многолетних теоретических поисков (в частности, в этом направлении работали И.А. Фомин, И.А. Голосов, братья Веснины и М.Я. Гинзбург, М.А. Охитович, Н.И. Брунов). Статьи, выступления, творческие анкеты, публиковавшиеся в архитектурной периодике тридцатых годов, а также стенограммы дискуссий, сохранившиеся в архивах, позволяют проследить развитие и трансформацию этих квази-архитектурных понятий от буквального понимания и воспроизведения архитекторами-«партийцами» (в первую очередь, в теоретических работах А.Г. Мордвинова), до глубокого прочтения мастерами «старой школы» и теоретиками авангарда. Несколько в стороне от этих поисков нового стиля оказалось теоретическое наследие И.В. Жолтовского, не видевшего смысла в сохранении и развитии методологических достижений авангарда и настаивавшего на применении и приспособлении гармонических законов Ренессанса к современным задачам. Именнo поэтому, на наш взгляд, его концепции не оказали влияния на становление и распространение постконструктивизма, проявившись, в большей степени, уже на следующем этапе – в конце 1930-х – начале 1950-х годов.

При анализе теоретического наследия периода постконструктивизма были вычленены две важнейшие, контрастные, но неразрывные идеи данной эпохи, выраженные в комплексе понятий, апеллирующих к «монументальности» и «человечности» архитектурного образа, и пронизывающие, наподобие сквозной оси, различные понятийные слои архитектурной теории и практики 1930-х годов, но в каждом из них преломляющиеся и прорастающие массой нюансных толкований.

Подсознательное стремление «заказчика» - власти и общества к тектонической, «укорененной» архитектуре в понимании архитекторов разворачивалось в виде целого спектра ассоциаций, образов, теорий. Со словами Д.Е. Аркина, провозглашавшего в 1935 году абсолютное и всеобъемлющее право своей эпохи на *монументальность*, на

героизму и невиданный никогда ранее масштаб, согласилось бы большинство западных архитекторов начала и середины 1930-х годов во Франции, Италии, Германии, Великобритании, Восточной Европе и США. В начале тридцатых, в эпоху Великой депрессии и кризиса, стиль ар деко все больше начинает обслуживать власть и крупные корпорации - так кристаллизовалась стилистика «монументального ордера», совместившая в 1929 – 1939 годах популизм, динамичность, гибкость и изобретательность ар деко с требуемым заказчиком идеологическим пафосом. Был найден новый универсальный архитектурный язык, доступный для восприятия масс, синтезировавший новаторство и традицию; главным его приемом была монументальность форм. Монументальные правительственные здания, министерства, театры, вокзалы, больницы, университеты тридцатых годов должны были стать психологическим «стабилизатором», демонстрирующим обществу государственную силу, мощь, богатство, а также, через апелляцию к образам классики и национальной традиции, - легитимность власти. Те же требования к архитектуре появились и в СССР в самом конце 1920-х годов и были проявлены в ходе конкурса на проект Дворца Советов. «Прежде всего самая громадность размера – это пролетарский стиль» – утверждал Луначарский, рассуждая о Дворце, будущем архитектурном центре страны.

Программа «монументальности», в свою очередь, развивалась в нескольких направлениях. По контрасту с порывистостью, динамикой авангарда, новая архитектура должна была «крепко стоять на земле», быть подчеркнута тектоничной, зачастую гипертрофированно «вырастать» из земли. Наиболее устойчивая форма куба и его грани – квадрата – становятся универсальной моделью новой пластики. Понятие «массы» в архитектурных концепциях тридцатых годов приобретает особое значение. В связи с разрушением профессионального архитектурного языка, масса уже трактуется многими архитекторами и искусствоведами преимущественно в бытовом, качественном смысле «массивности», они ведут «борьбу за массу» (А.И. Некрасов). Вопросу архитектурной массы уделяют большое внимание и лидеры, теоретики авангарда, в частности И.А. Голосов, В.Ф. Кринский, М.А. Туркус, и мастера «старой школы», в частности, И.А. Фомин. Сверхэкспрессивные монументальные здания постконструктивизма (жилые дома В.Н. Владимирова, Г.И. Луцкого, А.В. Козлова, И.Е. Рожина, З.М. Розенфельда, М.О. Барца и Г.А. Зундблата в Москве, типовые кинотеатры В.П. Калмыкова, проекты Е.А. Левинсона и И.И. Фомина в Ленинграде, И.Ю. Каракиса в Киеве) напоминают отвлеченные упражнения на выявление массы и веса, подобные предлагаемым Н.А. Ладовским в 1925-1929 годах во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе. Вылеплен-

ные из скульптурного пластилина кубические призмы с нюансной моделировкой (подсечки, ступени, грани, полуцилиндры, накладные «экраны» и т.д.) для динамичных двадцатых были лишь одним из абстрактных заданий по дисциплине «Пространство», в тридцатые же этот опыт для вчерашних студентов оказался чрезвычайно полезен.

Подчеркнутая материальность монументальных форм, их фактурность, выявленная при тщательной пластической разработке «оболочки» здания – служили цели достичь конкретности, реальности архитектурного сооружения (по контрасту с абстрактностью, нематериальностью стекла и гладкой штукатурки авангарда). Вопросы проработки «оболочки» уделяли особое внимание конструктивисты, видя в конкретизации поверхности рационально спроектированного архитектурного организма последний этап на пути к «полноценной архитектуре».

Стремление к формам, близким к архитектурным образам Э.-Л. Булле, К.-Н. Ле-ду, к древней восточной архитектуре в проектах почтамтов, универмагов, школ, жилых домов, летних павильонов, не говоря о конкурсных проспектах Наркомтяжпрома и других знаковых правительственных объектов, достигло своего пика к 1935-36 годам, вызвав отторжение и критику «ложно понятой монументальности».

Тенденция к преодолению последствий экономических и социальных кризисов на уровне обывателя, рядового гражданина, была единой во многих странах на протяжении двадцатых и тридцатых годов. Концепция «человеческого измерения», в той же степени, что и монументальность, становится определяющей художественной программой довоенной Европы. Эти, на первый взгляд, взаимоисключающие идеи, тем не менее, находили точки соприкосновения. В Европе и США ар деко выступало в роли универсального рецепта эстетической гармонизации общества, вновь стремившегося к комфортной, доступной, эмоционально насыщенной среде. Аналогичным образом и в СССР провозглашенный властью и востребованный обществом этап «зажиточной жизни» и пресловутой «сталинской заботы о человеке» в архитектуре отозвался поворотом от массовости домов-коммун и фабрик-кухонь авангарда к провозглашенному в печати одобрению частной благоустроенной жизни в отдельной квартире, от глобальных градостроительных проектов к разработке техники сграффито для отделки фасадов и интерьеров. Эта всеобщая направленность на контакт с социумом выражалась в различных аспектах: символическом, социальном, метафизическом; на уровне масштаба, психологической и эмоциональной доступности художественных образов, на уровне антропоморфности, органичности форм.

Внешние, популистские и социальные проявления этой программы были связаны с выстраиванием партийным руководством информационного канала между архитектором и заказчиком. Архитектура должна была стать понятным, ясным, четким ретранслятором идеологических программ, то есть быть массово доступной, легко читаемой. На смену концепциям авангарда, организующим жизнедеятельность населения, пришла задача организации сознания. Эмоциональное и эстетическое воздействие архитектуры на «массы» считалось не менее важным, наряду с идеологическим «проговариванием». Об этом «поддерживании определенного психического тонуса» постоянно говорил А.В. Луначарский, а затем и Л.М. Каганович.

Поэтому понятия «красота», «радость» и «бодрость» становятся определяющими архитектурными критериями середины тридцатых годов. Народное понимание красивого, как нарядного, богатого, украшенного получает свое выражение в проектах мастерской А.В. Щусева и В.Д. Кокорина, более всего ориентированных на подобный массовый заказ. Важно отметить, что такое видение красоты объединяло и рядовых рабочих, и партийную номенклатуру, имевших сходные эстетические предпочтения. В течение тридцатых годов эта нацеленность на «человечность» привела к размытию, уничтожению традиционной профессиональной замкнутости архитектурного сообщества, согласно давнему лозунгу ВОПРА: «от искусства - массам к искусству масс». «Сверху» в архитектурную среду внедрялись активные молодые партийные архитекторы – «рупоры» правительственных программ (так, в частности, работала цепочка Л.М. Каганович – А.А. Александров – К.С. Алабян). «Снизу» активно привлекались массы трудящихся для «наказов», утверждения и критики проектов.

На теоретическом уровне различные стороны концепции «человечности» рассматривались идеологами «марксистско-ленинского искусствознания», пытающимися найти обоснование идеям «радости», «бодрости» и «красоты», в русле метода социалистического реализма. Следуя этой позиции, красота и правдивость - синонимы, так как сама действительность, повседневность тридцатых уже априори предполагалась насыщенной поэзией, красотой, «богатством». Но достойны были воплотить эту правдивую красоту далеко не все, - только обладающие правильным восприятием действительности «партийные» архитекторы, т.к. «правдивость», с позиций «марксистско-ленинского искусствознания», не может быть беспартийной.

Группа архитекторов «старой школы» и идеологи авангарда также стремились к эмоциональности архитектурного образа, однако вместо использования демагогических деклараций о «красоте», «радости» и т.п., они стремились решить задачу при по-

мощи строго архитектурных средств, работая, как уже отмечалось выше, над конкретизацией оболочки сооружения. Неуловимое, эмоциональное понятие *красота* они заменяли на более интеллектуальное и рассудочно определяемое - *гармония*. Поиски гармоничной, свободной, новаторской формы, с точки зрения братьев Весниных, М.Я. Гинзбурга, И.А. Голосова, Я.А. Корнфельда, Н.Д. Колли, С.А. Лисагора, И.А. Фомина, Н.А. Троцкого, должны были идти именно в русле эстетической программы авангарда – простоты и лаконизма. А смягчить его жесткость и сделать доступным для заказчика призваны были уравнивающие формы и задающие масштаб гармонические законы – природы (в теории конструктивистов и И.А. Голосова) и классики (в теории И.А. Фомина, Н.А. Троцкого и других). В сущности, и тот, и другой подход («органический» и «традиционалистский») в концепциях архитекторов периода постконструктивизма (и в той же степени ар деко) в основе своей содержал обращение к истокам, к первозданной естественности, понятной всем, независимо от социальных, возрастных и национальных различий.

Важной особенностью архитектурной теории тридцатых годов было и стремление к «био-» и «антропоморфизации» самого архитектурного сооружения, подобного живой, природной субстанции, выразившееся на глубинных, подсознательных уровнях. Понимание архитектуры как развивающегося организма, отмеченное еще А.Г. Габричевским в начале 1920-х годов, в тридцатые развивается как в теоретических текстах партийных искусствоведов, так и идеологов авангарда, в частности, концепцией «органической архитектуры» М.Я. Гинзбурга. Противопоставление механистичности, а от того искусственности авангарда *живой* архитектуре нового времени, то есть механизма и организма, стало основной архитектурной идеологией тридцатых годов. Важнейшей характеристикой становится *телесность*. Максимально четко это выразил М.А. Охитович в своем докладе «Национальная форма социалистической архитектуры». Архитектура авангарда, которую он определенно называл «анализмом», была бесплотна, беспредметна, абстрактна. Новая архитектура, по его мнению, должна была возратить материю, плоть, массу, а значит и действительность в свой актив, должна была восстановить физическую телесность сооружения.

Представление о телесности, таким образом, объединяет такие уже вышеописанные характеристики архитектуры постконструктивизма, как массивность и правдивость, конкретность, и соответственно пластичность, фактурность; в текстах «партийной» группы архитекторов отчетливо прослеживается тяга к «полнокровной», «теплой», «живой», «чувственной» архитектуре. Выразителем «человечности» становится

сама стена, «кожа» здания, которая в архитектуре постконструктивизма вновь обретает изобразительную тектоничность. Однако в образном языке эпохи карниз, цоколь, элементы ордерной структуры не столько выражают рассмотренную выше устойчивость сооружения (в противовес атектоничности авангарда), сколько представляют идею органического *прорастания* здания из земли, формирование его «корней», «ствола», «кронь» в биоморфной трактовке (Н.И. Брунова, М.Я. Гинзбурга, И.В. Жолтовского), или его «ног», «тела», «головы» в антропоморфной трактовке (М.А. Охитовича, А.В. Луначарского, А.Г. Мордвинова).

Необходимый элемент постконструктивизма, как и стилистики «монументального ордера» в Европе и США – упрощенная колонна – понимается эпохой как необходимый символ «очеловеченности» нового стиля. Н.И. Брунов в своих теоретических построениях представлял колонну как монументализированного человека. Так колоннада, трактованная как «группа индивидуальностей», в эпоху массовых действий и парадов приобретала особый смысл. Для И. Фомина колоннада была необходимым инструментом пропорционирования архитектурного объема в соотношении с человеческим масштабом. Таким образом теоретики и архитекторы пытались найти компромисс между, с одной стороны, требованием монументальности, масштабности, и с другой – «человеческим измерением» нового стиля, предъявляя пролетариату архитектуру, которая должна была соответствовать ему образно, эмоционально и идейно, но в усиленных, утрированных, монументальных формах. Монументальный ордер в проекте Ленинской библиотеки В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейха, дома «Динамо» И.А. Фомина, электроподстанции метро Д.Ф. Фридмана в Москве, центрального универмага Автозавода Л.М. Наппельбаума в Горьком, Академии наук И.Г. Лангбарда в Минске, Дворца культуры Н.А. Троцкого в Куйбышеве, в той же степени, что и пилястры будущего Дворца Советов Б.М. Иофана, наследуя утопическую направленность авангарда, стремился транслировать образ скорого будущего, где человек по своего масштабу окажется соразмерным монументальным, живым, эмоционально насыщенным сооружениям эпохи.

Заключение.

Итак, теоретическое наследие тридцатых годов основывалось на разнонаправленных векторах: здесь сказалось и влияние идей западноевропейского ар деко, с его «человеческим измерением» и поиском универсальной традиции, и интернациональное стремление к созданию монументальных, сверхмассивных сооружений, выразившееся в так называемом стиле «монументального ордера», и развитие аналитического

инструментария авангарда, шедшего теперь по пути конкретизации, детализации абстрактных форм, и, наконец, туманные правительственные установки на идеологизацию архитектурного образа. Все эти сталкивающиеся концепции объединяла единая, всеобщая тяга к *монументальному* и одновременно *человечному* (в их понимании) архитектурному образу, подпитывавшая, по сути, бурный, но кратковременный расцвет архитектуры постконструктивизма. Разгромная критика аналитического («формального») метода в 1936 – 1937 годах привела и к раннему уничтожению постконструктивизма как стилистической системы и распространению эклектической «сталинской неоклассики», сформированной в мастерских А.В. Щусева и А.Г. Мордвинова. Окончательное утверждение нового метода социалистического реализма произошло на первом всесоюзном Съезде архитекторов, который должен был положить конец «брожениям» в архитектурной среде, и, особенно, продемонстрировать власти полное изгнание из профессии «формального метода» (как самой системы, так и ее носителей).

Эта новая единая «творческая линия» и метод, насильственно внедренный правительством, и особенно проведенные после Съезда «чистки», больше чем на десятилетие оборвали творческие дискуссии в отечественной архитектуре, и на еще более долгий срок табуировали интеллектуальное и художественное наследие авангарда. Несмотря на то, что проекты, использующие формальные приемы постконструктивизма, продолжали реализовываться вплоть до середины 1940-х годов, связь с достижениями и поисками архитектуры авангарда была расторгнута окончательно. Метод соцреализма оказался непереводаемым на профессиональный язык архитектуры, что и стало причиной обращения в послевоенные годы к методу эклектики и появлению феномена «сталинского ампира».

В туманных теоретических текстах тридцатых годов мы стремились найти объяснение механизмам, сформировавшим и распространившим, а затем уничтожившим архитектурный стиль «второй пятилетки». Благодаря статьям, стенограммам дискуссий, а также архитектурному наследию постконструктивизма можно наглядно увидеть, как идеологическая демагогия заказчика усилиями архитекторов «старой школы», мастеров авангарда и молодых архитекторов-конструктивистов первых выпусков ВХУТЕМАСа и МИГИ обращалась в качественную, достойную архитектуру, созвучную общемировым тенденциям тридцатых годов. Эти материалы доказывают, что постконструктивизм, по контрасту со «сталинским ампиром», находился в едином содержательном, проблемном поле с ар деко и «монументальным ордером», что теоретические поиски новой архитектуры в СССР и на Западе были одинаправлены, что

«занавес» опустился не в 1932 году, как принято считать, а в 1937. Но в этих текстах обнаруживается и уникальность отечественного «стиля 1935 года», как прямого наследника авангарда, в отличие от западных ар деко и «монументального ордера», методологически продолжавших линию сецессиона, ар нуво, эклектики либо неоклассики.

Выводы

1. Изменение организационной структуры архитектурного сообщества в тридцатые годы за счет постепенного вытеснения профессиональной элиты – мастеров «старой школы» и лидеров авангарда молодым поколением «партийных» архитекторов, напрямую руководимых партноменклатурой, привело:

- к мутации архитектурного языка от профессионального к повествовательному, иллюстративному, когда архитектурная теория и критика стала строиться на основе квази-языка, определявшего требуемые качества сооружения: «бодрая», «радостная», «живая», «полюценная», «красивая», «полнокровная», «человечная», «целостная», «правдивая».

- к замене традиционных отношений архитектор-заказчик на новые, где заказчик берет на себя реализацию «жизнестроительных» функций архитектора, оставляя за последним лишь роль технического исполнителя.

- к изменению эстетической программы архитектуры от «воспитательной» эпохи авангарда к восприимчивой и гибкой постконструктивизма.

- к разделению архитектурного сообщества на две противостоящие группы – «партийных» и «непартийных» архитекторов. Первая стала проводником эклектики и метода социалистического реализма, во второй объединились конструктивисты, рационалисты и мастера «старой школы», вплоть до 1937 года продолжавшие эксперименты, начатые в двадцатых годов. Архитектура постконструктивизма стала их последним независимым архитектурным опытом.

2. Постконструктивизм основывался на аналитическом методе, сформированном гуманитарной теорией и художественной практикой эпохи авангарда

- при работе с историческим наследием
- в своем формообразовании и пластике

Метод социалистического реализма, объявленный властью единственно верным, в 1937 году поставил крест на творческих, профессиональных дискуссиях в области

архитектуры и на долгие годы сделал невозможным обращение к теоретическому наследию двадцатых годов.

3. «Монументальность» и «человеческое измерение» - концепции, определившие архитектурную теорию и практику тридцатых годов.

— Каждая из этих образно-семантических конструкций трансформировалась в диапазоне от буквального понимания и воспроизведения архитекторами-«партийцами» до глубокого прочтения мастерами «старой школы» и лидерами авангарда, включавшими их в свои теоретические построения.

— Стремление к монументальности, традиции и «человеческому измерению» объединяло теоретические поиски новой архитектуры в СССР и на Западе вплоть до второй половины тридцатых годов. Поэтому мы можем утверждать, что постконструктивизм, по контрасту со «сталинским ампиром», находился в едином содержательном, проблемном поле с ар деко и «монументальным ордером».

Публикации по теме диссертации

- 1.*Селиванова А.Н. Архитектура для личности в эпоху коллективизма // Жилищное строительство, №5. М., 2009. С. 29-35
- 2.*Селиванова А.Н. «Освоение классического наследия» в понимании теоретиков авангарда. К истории советской архитектуры первой половины 1930-х годов // Дом Бурганова. Пространство культуры, №4. М., 2009. С. 180-189
3. Селиванова А.Н. Историография и формирование полноценного отношения к архитектурному наследию 1920 – 1930-х годов // Сохранение архитектуры XX века и всемирное наследие. Heritage at risk. Материалы научной конференции. М., 2006. С.133-135. (В соавторстве с Ю.П. Волчком)
4. Селиванова А.Н. Вакантное место. Зарядье: проекты сталинского времени // Московское наследие, №3. М., 2007. С. 94-97
5. Селиванова А.Н. Тайны модернизма // Интерьер + дизайн, №6. М., 2007. С. 124-126
6. Селиванова А.Н. Бобрики–Сталиногорск: от соцгорода к сталинскому ансамблю // Проект Россия, №48 (2). М., 2008. С. 164-170
7. Селиванова А.Н. ВДНХ // Адреса Москвы, №2/41. М., 2008. С. 58-63
8. Селиванова А.Н. Поселок художников // Адреса Москвы, №2/41. М., 2008. С. 76-80
9. Селиванова А.Н. Особенности «постконструктивизма» (1932-1937) на примере жилых ведомственных домов // Сб. «Архитектура «сталинской эпохи». Опыт исторического осмысления». М., 2009. С. 109-116

* Публикации в журналах, рекомендованных ВАК

Подписано в печать: 19.11.2009

Заказ № 3101 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru